

Н. В. РАЗУВАЕВ

*доктор юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
Санкт-Петербург, Россия*

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СИНХРОНИЯ И
ДИАХРОНИЯ**

В работе рассматриваются основные закономерности и этапы эволюционной динамики знакового конструирования культурной реальности, издавна привлекавшего к себе внимание как философов, так и ученых. В этой связи в литературе наметились два подхода к семиотике – широкое и узкое. Согласно первому подходу, семиотика есть универсальное метаописание всех видов реальности, а потому любой феномен имеет знаковую форму. С точки зрения представителей второго подхода, семиотическому описанию поддаются только результаты человеческой деятельности.

Следуя данному подходу, автор полагает, что язык, а также иные знаковые системы конструируют феномены культурной реальности, представляющей собой упорядоченную совокупность феноменов, созданных индивидами в процессе творческой деятельности. Важнейшим средством конструирования культурной реальности является язык, по образу которого организуются и другие знаковые системы (право, мораль, наука и т.п.). Автор показывает, что язык выполняет две основные функции – знаково-конструирующую и нормативную.

Культура как совокупность знаковых систем, с одной стороны, конструирует реальность, выступающую ее референтом, и, с другой стороны, организует поведение индивидов, позволяя им надлежащим образом взаимодействовать с феноменами реальности, а также друг с другом. По мнению автора, мышление и язык выступают равноправными и взаимно обуславливающими друг друга сторонами знакового конструирования реальности, что исключает постановку вопроса о примате языка над мышлением. На основе сформулированных общих положений автор намечает основные этапы семиотической динамики культурной реальности. Такими этапами выступают: 1) индексальные знаки (жесты), выступавшие исторически первичным средством коммуникации, 2) иконические синсигнумы (пиктограммы), 3) иконические легисигнумы (иероглифы), 4) символы-синсигнумы и 5) символы-легисигнумы. Как показано в работе, каждая следующая стадия эволюции характе-

ризуется все большей утратой семиотическими единицами предметного содержания и нарастанием их отрыва от означаемого, влекущим за собой ослабление мотивированности означаемого означаемым.

Ключевые слова: культура, культурная реальность, знаковые системы, язык, знаки, индексы, иконы, символы, жесты, пиктограммы, иероглифы, синсигнумы, легисигнумы

N. V. RAZUVAEV

Doctor of Law, Associate Professor

North-Western Institute of Management of

Russian Academy of National Economy and Public Administration,

Saint-Petersburg, Russia

LINGVOSEMIOTIC CONSTRUCTING OF CULTURAL REALITY: SYNCHRONY AND DIACHRONY

The paper examines the main patterns and stages of evolutionary dynamics of the semiotic construction of cultural reality, which has long attracted the attention of both philosophers and scientists. In this regard, there are two approaches to semiotics in the literature, wide and narrow. According to the first approach, semiotics is a universal meta-description of all kinds of reality, and therefore any phenomenon has an semiotic form. From the point of view of the second approach, only the results of human activity lend themselves to the semiotic description.

Following this approach, the author believes that language, as well as other semiotic systems, construct the phenomena of cultural reality, which is an orderly set of phenomena created by individuals in the process of creative activity. The most important means of constructing cultural reality is the language in which other semiotic systems (law, morality, science, etc.) are organized. The author shows that the language performs two main functions - sign-constructing and normative. Culture, as a set of semiotic systems, on the one hand, constructs reality as its reference and, on the other hand, organizes the behavior of individuals, allowing them to properly interact with the phenomena of reality as well as each other. According to the author, thinking and language act as equal and mutually conditioning sides of the iconic construction of reality, which excludes the question of the primacy of language over thinking.

On the basis of the general provisions formulated, the author outlines the main stages of the semiotic dynamics of cultural reality. Such stages are: 1) index signs (gestures), which have historically acted as a primary means of communication, 2) iconic synsigns (pictograms), 3) iconic legisigns (hieroglyphics), 4) symbols-sinsigns and 5) symbols-legisigns. As shown in the paper, each next stage of evolution is characterized by the increasing loss of semiotic units of subject content and the build-up of their separation from the meaning, which entails a weakening of the motivation signified.

Keywords: culture, cultural reality, iconic systems, language, signs, indexes, icons, symbols, gestures, pictograms, hieroglyphics, synsigns, legsigns.

С момента создания в работах Ч. С. Пирса, Г. Фреге, Ф. де Соссюра и Ч. У. Морриса семиотики как всеобщего учения о знаках и знаковых системах вопросы о том, что собой представляют эти последние и каковы пределы семиотического описания явлений составлял особую трудность. В результате многочисленных попыток дать ответы на эти вопросы сложились два понимания семиотики, которые условно можно обозначить как широкое и узкое. Согласно широкому пониманию, семиотика представляет собой универсальное метаописание любых феноменов реальности – от природных явлений до специфически культурных результатов человеческой деятельности, поскольку всякий объект может рассматриваться в качестве знака, указывающего на нечто иное, и в этом смысле занимать свое место в семиотической системе.

В подобном восприятии знаковый универсум выступает в качестве своего рода «второй реальности» либо даже реальности единственной с учетом того немаловажного обстоятельства, что человеческое восприятие способно оперировать со знаками, а не с их референтами. Иными словами знаки и знаковые комплексы в процессах познания и коммуникации в буквальном смысле замещают собой «объективную» реальность, заступая на ее место [28; С. 6-8]. Истоки данного подхода кроются в философских идеях, высказывавшихся задолго до появления семиотики в качестве самостоятельной исследовательской сферы, восходя к работам Платона [36; С. 487] и Аристотеля [3; С. 93-94], а также античных экзегетов и средневековых схоластов [1].

В их трудах семиотика впервые сформировалась в своем герменевтическом аспекте как способ познания явлений окружающего мира посредством истолкования соотношенных с ними знаков. Такое широкое понимание смысла и задач семиотики получило свое отчетливое воплощение в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка, где всякая идея, существующая в сознании индивида, рассматривается как знак, возникающий в результате взаимодействия двух источников, а именно объектов внешнего мира, порождающих чувственные восприятия, и человеческого разума, создающего на этой основе понятия и представления об объектах, их качествах и свойствах [27; С. 155]. Одним из наиболее общих видов идей, получающих непосредственное знаковое выражение, являются, по мысли философа, математические категории, в том числе наиболее элементарные [27, с. 257].

Одним из самых заметных представителей рассматриваемой традиции был И. Кант, чье учение о феноменах и ноуменах стало наглядным

примером превращения знаковых комплексов в единственную доступную восприятию реальность, замещающую собой в восприятии индивида мир объектов. Последние, по Канту, не будучи лишёнными реального существования, для познающего субъекта представляют собой ноумены, являющиеся вещами в себе постольку, поскольку относительно них невозможно сказать ничего иного, кроме того, что они есть. Так как ноумены не являются предметами чувственных созерцаний, они не могут быть познаемы, в силу того, что познание всегда, так или иначе, имеет чувственную основу.

Следовательно, единственной реальностью для познающего «чистого разума» являются, по Канту, феномены, эмпирические образования, в которых несложно увидеть, пользуясь семиотической терминологией, план означающего знаков. Согласно утверждению философа, «единственное, что рассудок может делать *a priori* – это антиципировать форму возможного опыта вообще, и так как то, что не есть явление, не может быть предметом опыта, то рассудок никогда не может выйти за пределы чувственности, в которой только и могут быть даны нам предметы» [24; С. 305]. Иными словами, знак как единство означаемого (чувственного восприятия) и означающего (чистого рассудочного понятия) становится у Канта универсальным и, более того, единственно возможным средством описания реальности.

Тем не менее, широкое понимание семиотики, по крайней мере, в том виде, в каком этот проект был задуман философами, со временем себя исчерпало, наглядно продемонстрировав собственную непригодность к решению тех задач, которые перед ним стояли. Причиной тому была, во-первых, предельная отвлеченность философского знания от конкретной проблематики, решением которой занимались эмпирические науки, в том числе и такие, как математика, обязанная философско-семиотической *mathesis universalis* постановкой целого ряда важных проблем, лежащих в плоскости метаматематики, а также математической и символической логики, однако со временем все более отрывавшаяся от своей философской основы, приобрели на этом пути свой собственный язык, в создание которого философская семиотика, по сути, не внесла никакого вклада. Последняя, ограничиваясь лишь самыми общими, завещанными традицией, выводами, не сумела обогатить частные науки, превратившись в конечном итоге в набор обычных трюизмов либо в совокупность нефальсифицируемых спекуляций, не способных пролить свет на природу рассматриваемых явлений.

Во-вторых, со временем становится все более очевидной множественность и гетерономность различных видов реальности (природной, психологической, социокультурной и др.), каждый из которых, обладая

собственной смысловой структурой, не позволяющей применять одни и те же знаки для описания феноменов, совокупность которых образует содержание соответствующего вида реальности, требует собственной семиотики. Наглядным примером сказанному является нетождественность, на первый взгляд, однотипных способов кодирования культурной и генетической информации. Собственно, и сам термин «информация» применительно к природным и культурным объектам имеет совершенно различное значение, что до сих пор препятствует созданию единой теории, в равной мере применимой ко всем этим последним. Не случайно предпринимавшиеся в литературе попытки сопоставить химические соединения биополимеров с наборами букв, слов и иных знаков человеческого языка, при всей своей внешней привлекательности, остаются пока лишь удачной метафорой, не идущей дальше внешнего сходства данных механизмов [31; 56; 58]. Аналогичным образом обстоит дело с попытками обнаружения действия структур «порождающих» и «трансформационных грамматик» в механизмах биологической эволюции [49; 51, С. 39].

Вот почему в минувшем столетии снискала признание узкая трактовка семиотики, получившая развитие в работах Р. Барта, К. Леви-Стросса, Ю. Кристевой, Ю. М. Лотмана и других ученых, видевших ее предметом только культурные феномены, являющиеся специфическим результатом творческой деятельности членов общества. Семіозис, следовательно, является специфически культурным механизмом организации и передачи информации, которая относится к культуре постольку, поскольку поддается знаковому выражению. Как писал Ю. М. Лотман, культура представляет собой «чрезвычайно сложно организованный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее выгодные и компактные способы, получает новую, зашифровывает и дешифровывает сообщения, переводит их из одной системы знаков в другую. Культура – гибкий и сложно организованный механизм познания» [28; С. 395]. В свете сказанного представляется уместным определять культуру как совокупность языков различного рода и текстов, созданных на этих языках. Всякий культурный феномен, будучи конкретной реализацией языка, может рассматриваться в качестве текста, содержательный план которого образуется многообразными интерпретациями, вступающими между собой в сложные диалогические взаимодействия [5; С. 309], ввиду чего и сама культура представляет собой интертекстовое пространство [4, С. 413; 18, С. 76,25, 37; С. 240].

Таким образом, тексты создаются на языках культуры, определяющих стратегии поведения индивидов в различного рода коммуникативных ситуациях. Принято говорить не только о языке художественных текстов, но и о столь специфичных культурных языках (и соответствующих им текстах), как языки права, морали, дорожного движения, моды, сексуаль-

ности и пр. Но что же такое сам язык, лежащий в основе любого текстопорождения? Обычно язык определяют как знаковую систему, обладающую семантическим, синтаксическим и прагматическим измерениями, что, благодаря Ф. де Соссюру и Ч. У. Моррису, стало буквально общим местом во всех работах, посвященных семиотике языка [13; 30; 39].

Не оспаривая правильности подобного представления, отметим, что ограничение природы языка лишь его семиотическим измерением не исчерпывает всего многообразия языковых функций. В самом деле, лексическая система любого языка предполагает два типа системных связей, объединяющих ее элементы, а именно связи синтагматические и парадигматические [38; С. 7-9]. И если синтагматические связи имеют линейный характер, определяя последовательность лексем в рамках одного текста, то парадигматика языка (например, система именных падежей, глагольных спряжений и т.п.) является, условно говоря, «объемной». Элементы любой парадигмы не появляются в тексте одновременно, но определяют регулярные закономерности морфологического словоизменения.

При этом регулярность употребления тех или иных грамматических форм в одних и тех же текстах, естественно, определяется не только коммуникативной целью говорящего или пишущего, но целой системой взаимосвязанных правил. Так, например, во многих языках различается диапазон допустимых спряжений глаголов с различной актантичностью [44]. В немецком языке (в отличие, например, от русского или английского) родительный падеж характеризуется известной изолированностью. В частности, немецкий генитив не всегда может употребляться в функции приглагольного дополнения, как в пропозиции: *Er schämt sich dieser Tat* 'Он стыдится этого поступка' [19; С. 34].

Таким образом, культурные языки обладают двойственной природой, будучи знаковыми системами, с одной стороны, и системой правил (норм), с другой стороны. Степень обязательности языковых парадигм, задающих пределы вариативности речевого поведения коммуникантов, также различается в зависимости от ряда факторов, например, от того, является ли порядок слов в предложении свободным или фиксированным. Сказанное свидетельствует, что не только язык, но и любая иная семиотическая система выступает совокупностью знаков, с одной стороны, и совокупностью норм, регулирующих человеческое поведение с другой стороны. Семиотическая система выступает в качестве средства кодирования и декодирования сообщений, передача которых происходит в процессе коммуникации и одновременно определяет поведение коммуникантов.

Причем различные виды культурных норм обладают разной степенью обязательности, что, в свою очередь, обуславливает характер внутрисистемных взаимосвязей. Так, право, система которого включает в себя как

диспозитивные, так и императивные нормы, представляет собой многоуровневую иерархию, строящуюся на вертикальном соподчинении нормативной совокупности различной степени общности. Важно отметить, что соотношение императивных и диспозитивных норм в различных отраслях права подчиняется определенной закономерности, описываемой с помощью математических методов. В самом первом приближении оно может быть выражено при помощи следующей формулы:

$$y = \frac{k}{x},$$

где y – общее количество императивных норм в данной отрасли, x – количество диспозитивных норм, k – коэффициент пропорциональности [26; С. 136].

Конкретизируя данный подход, М. Ю. Осипов предлагает следующую формулу для определения соотношения императивных и диспозитивных норм:

$$Q_d = \left(\frac{1 - Q_n}{Q_o}\right) * Q_o,$$

где Q_d – количество диспозитивных норм, Q_n – количество императивных норм, Q_o – общее количество норм в соответствующей отрасли. Приведенная формула позволяет, по мысли исследователя, установить более точный коэффициент пропорциональности диспозитивных и императивных норм, что, в свою очередь, позволяет придать большую четкость научным представлениям о методе отраслевого регулирования [32; С. 24]. Отмеченные особенности права как семиотической системы дают основание многим юристам утверждать, что правовое воздействие на поведение субъектов во всех случаях имеет вертикально-иерархический характер и строится по схеме: норма → поведение, где общее правило, сформулированное правовой нормой, предшествует действию ее адресата, представляющему собой более или менее точную реализацию правила [2; С. 27-28].

Упрощенность подобного представления становится очевидной при обращении к иным семиотическим системам, прежде всего, к системе языка, представляющей собой совокупность потенциальных возможностей реализации языковых норм. При этом сама норма языка может рассматриваться как статистическая закономерность конкретных употреблений говорящими языковых форм в узусе [34; С. 54]. Иными словами, норма языка складывается на основе множества идиолектов членов языкового коллектива, а изменения, происходящие в узусе, определяют динамику языковых норм [14; С. 43]. Язык, система которого есть множество возможных вариантов реализации языковой нормы, представляет собой яркий и наглядный пример того, каким было бы право, если бы оно состояло из одних только диспозитивных правил поведения.

Итак, всякий знак является одновременно известного рода прави-

лом, а любая знаковая система должна рассматриваться в неразрывном единстве выполняемых ею дескриптивной (конститутивной) и прескриптивной (нормативной) функций. Культура как совокупность знаковых систем, с одной стороны, конструирует реальность, выступающую ее референтом, и, с другой стороны, организует поведение индивидов, позволяя им надлежащим образом взаимодействовать с феноменами реальности и друг с другом. Данная особенность знаковых комплексов со всей наглядностью раскрывается в речевых актах, важное место среди которых занимают перформативы, представляющие собой разновидность иллокутивных актов, совершение которых одновременно предписывает самому коммуниканту либо его адресатам известное действие [33; С. 27]. Примерами перформативов служат такие английские глаголы, как *agree* 'договариваться', *appoint* 'назначать', *assert* 'утверждать', *command* 'командовать', *declare* 'объявлять', *forbid* 'запрещать', *order* 'приказывать', *promise* 'обещать', *punish* 'наказывать' и другие. Перформативы служат наглядной иллюстрацией тезиса, в соответствии с которым знаки языка в их прескриптивной функции определяют не только речевое, но и экстралингвистическое поведение индивидов, способствуя тем самым конструированию реальности в тех или иных ее проявлениях.

Таким образом, язык и иные знаковые системы конструируют различные виды реальности, представляющей собой упорядоченное множество взаимосвязанных феноменов. При этом под феноменами следует понимать не материальные предметы внешнего мира, но эмпирические данности, явленные сознанию индивида в актах восприятия, предполагающих как интенцию объекта, так и аппрезентацию его скрытых от непосредственного восприятия сторон [15]. Единство всех аспектов феномена, равно как и самоидентичность последнего в каждый момент времени, обеспечивается наличием в нем формируемого сознанием смыслового ядра, смысловой релевантности соответствующего феномена, определяющей, в частности, его принадлежность к классу объектов, выделяемых по различным критериям, прежде всего, по функциональному признаку.

Следовательно, культурная реальность есть ментальное (интеллектуальное и психофизиологическое) пространство, формируемое сознанием субъектов, конституирующим феномены и устанавливающим их взаимосвязи. Такие элементарные взаимосвязи феноменов, которые Л. Витгенштейн именовал со-бытиями, представляют собой факты, образующие структуру реальности [12; С. 6]. Как уже было отмечено ранее, феномены реальности и их взаимосвязи нуждаются в закреплении в знаково-символических формах, обеспечивающих их устойчивость, а также создающих предпосылки для эволюции реальности в диахронной ретроспективе. Кроме того, поскольку содержание отдельных видов реальности

(например, правовой реальности) образует человеческое поведение, знаки в их прескриптивной функции, устанавливая модели поведения, тем самым создают условия для конструирования данных видов реальности.

Иными словами, культурную реальность можно рассматривать в качестве семиотической конструкции, образуемой разнообразными знаками, виды которых соответствуют ментальным феноменам, которые эти знаки призваны репрезентировать. Структура знака включает в себя означающее (знаковую форму или средство), относящееся к языковой плоскости, и означаемое (сигнификат), лежащее в сфере мышления [40; С. 69]. Сигнификат знака может обладать различным объемом, соотносясь с представлениями как о единичных предметах, так и о целых классах объектов. Например, французское слово *arbre* 'дерево' может обозначать конкретное дерево (*cet arbre dans les jardin* 'это дерево в саду'), класс деревьев (*arbre fruiter* 'фруктовое дерево'), наконец, дерево вообще (*une arbre est une plante pérenne* 'дерево – это многолетнее растение').

Важно отметить, что конструирование культурной реальности представляет собой аутопоэтический процесс, являясь, по сути, ее самоконструированием, осуществляемым различными способами, включая использование знаково-символических средств. Сказанное не противоречит той ведущей роли, которую играет в этом конститутивная деятельность субъектов, фактически создающих реальность в различных ее аспектах и измерениях. Чтобы убедиться в этом, необходимо применить к субъекту предложенный Э. Гуссерлем метод редукции (вынесения за скобки) феноменов, образующих содержание нашего внутреннего мира [15; С. 40]. В результате применения указанной методологической процедуры, возможной, разумеется, лишь в виде мысленного эксперимента, сама чистая субъективность, рассмотренная сквозь призму феноменологической редукции путем вынесения за скобки всех внешних ее характеристик, окажется в своем смысловом ядре *центрированной реальностью*, единственным и уникальным местом в пространстве, занимаемым индивидом (лингвистически маркируемым в качестве *я* или, в большинстве языков на известной ступени развития, *я-здесь*) и противопологаемым всему окружающему [8; С. 89].

Так, например, в латинском наречии *istic* 'там, здесь', происходящем от указательного местоимения *iste* 'этот' с добавлением постпозитивной частицы *-se* в значении местонахождения, букв. «это(т)-здесь» [17; С. 560]. Хотя в источниках данное слово употреблялось преимущественно в наречных конструкциях со 2-м л., уместно предположить, что изначально оно обозначало 1-е л. ед. ч., т.е. самого говорящего, указывая на его специфическое местоположение в пространстве, и лишь со временем стало переноситься на окружающее, не утратив при этом своей дейктической функции. В ходе накопления атомарных эмпирических фактов, а также соединения

их между собой сначала единичными причинно-следственными связями, а затем и всеобщими закономерностями, происходящих по мере роста индивидуального и социального опыта, имеют место два параллельных процесса, взаимно обуславливающих друг друга. Речь идет о самоконституировании субъекта и одновременном конструировании реальности, от всеобщих пространственно-временных ее характеристик до конкретных природных и социокультурных феноменов.

Реальность, следовательно, есть культурное образование, образуемое связанными между собой фактами и их знаково-символическими формами. Необходимо особо отметить что обе стороны знака являются равноправными, и это исключает в каком угодно виде постановку вопроса о примате речи над мышлением. Между тем в литературе последних десятилетий получила неоправданно широкое распространение концепция языковой относительности, множественности «языковых картин мира», их несовпадения во всех, даже в наиболее важных, аспектах, восходящая к работам Л. Вайсгербера, К. Фосслера, Э. Сэпира, Б. Л. Уорфа и др. [9; 42; 45; 47]. Одной из наиболее радикальных версий лингвистического релятивизма являются взгляды А. Вержбицкой, сводившей культуру в целом к языку, а все многообразие языковых средств конструирования реальности к его лексическому составу. Столь односторонний подход привел к исследовательнице к выводу о возможности понимания культур с помощью более или менее произвольно выбранных и поверхностно интерпретированных «ключевых слов» (*keywords*).

Несостоятельность воззрений А. Вержбицкой и ее многочисленных последователей, наивно полагающих, что «люди думают словами» [10; С. 19], позволяет говорить об ошибочности данного подхода в целом [59]. В самом деле, в ходе конструирования культурной реальности мышление и речь находятся в сложном взаимодействии, взаимно влияя друг на друга и взаимообуславливая друг друга. Так, феномены реальности, выступающие означаемыми знаков, будучи, как уже отмечено ранее, продуктом активной переработки сознанием многообразных эмпирических данных, явленных в актах эмпирического восприятия, имеют «пучковую» структуру, единство которой обеспечивается смысловым ядром, присутствующим в каждом феномене.

Но точно такими же пучками в семантическом плане являются знаки языка, что позволяет констатировать наличие более или менее адекватной корреляции между их мыслительным содержанием и внешним звуковым или графическим выражением. Так, анализируя семантику слова *рука*, Н. Я. Марр писал, что в дериватах данного слова «имеются и ‘сила’, и ‘средство’, ‘способ’ и ‘образ’, и многочисленные производные от них и десятков других столь же основных значений, связывавшихся с представлением о ‘руке’,

отчасти всегда, но в значительной мере в различные эпохи, при различных ступенях развития хозяйства, общественности и самих норм, социального строя, права и др.» [29; С. 133]. Таким образом, легко видеть, что семантический пучок значений не только связывает данное слово с множеством других, родственных ему по смыслу, но и феномены, сигнифицируемые этими словесными знаками, чем, с нашей точки зрения, обеспечивается взаимосвязность (когерентность) культурных фактов, образующих состав реальности.

Более того, рассмотрение эволюционного аспекта знакового конструирования реальности свидетельствует о первичности (по крайней мере, в диахронной ретроспективе) мышления и вторичности языка. Каждый исторический тип и соответствующая ему стадия развития языка складываются на основе своего типа мышления, в результате чего можно построить эволюционно-типологический ряд, определяющий развитие языка [34; С. 56]. Эволюционные изменения в культуре, способствуя смене типов мышления, обуславливали переходы с одной ступени эволюции языка на другую. На каждом новом этапе эволюции язык (равно как и иные семиотические системы) характеризуется появлением новых знаков, способствующих усложнению способов конструирования культурной реальности и созданию новых ее феноменов. Имеются основания утверждать, что последовательными этапами эволюции знаковых систем являются три типа знаков, выделенные впервые еще Ч. С. Пирсом, а именно знаки-индексы, иконические знаки и знаки-символы [35]. И хотя Пирс, по-видимому, считал иконы более простыми знаками, чем индексы и, следовательно, эволюционно предшествующими последним, имеются основания полагать, что именно индексальный язык в диахронной ретроспективе предшествует языку иконическому.

Несмотря на то, что проблема происхождения и эволюции языка продолжает относиться к числу дискуссионных, руководствуясь выводами антропологии, можно с известной долей осторожности полагать, что простейшими (и, вероятно, возникшими ранее других) были знаки линейной, жестовой коммуникации. Такие знаки, появившиеся еще в нижнепалеолитическую эпоху, использовались для непосредственного указания на объекты, выполняя дейктическую функцию, и были неотделимы от коммуникативных ситуаций, в контексте которой они использовались. Более того, известно, что простейшие виды жестовой коммуникации имеются и у животных (например, у пчел, птиц, шимпанзе и др.). Это позволяет считать кинетическую речь способностью, унаследованной человеком от своих животных предков. При всех отличиях способов коммуникации у животных и у человека [6; С. 101], есть основания утверждать, что именно жестовые знаки в их дейктической функции для последнего были первичны-

ми средствами конструирования реальности. По утверждению Н. Я. Марра: «Человечество начало свое общение линейной, или ручной речью, языком жестов и мимики. Оно продолжило его звуковой речью, языком членораздельных звуков, увязанной с линейной речью, восприятием достижений, выработанных ею, линейной речью» [29; С. 129].

О распространённости индексальных знаков, в образовании которых задействованы базовые психофизиологические механизмы, лежащие в основе более сложных форм знаковой коммуникации [20; С. 241; 55, С. 151], свидетельствует большое количество таких знаков и в звуковом языке. Речь идет, в частности, об эмфатических ударениях, восклицательной интонации [7; С. 116] и в особенности об указательных местоимениях, играющих роль языковых индексов, связанных с иными языковыми категориями, выступающими показателями базовых характеристик культурной реальности (квантификаторами, категорией лица и т.п.). Естественно, любая коммуникативная ситуация, даже на самых ранних ступенях эволюции семиотических систем в человеческом обществе, не может обходиться одними только индексальными знаками. Не случайно уже у раннепалеолитических гоминоид, по-видимому, вообще лишенных способности к членораздельной речи, жестикация сопровождалась звуками (более или менее осмысленными), образуя с ними единый кинетико-акустический комплекс. Тем не менее, на стадии безусловного господства линейной речи, знаки звучащей речи играли явно второстепенную роль, выступая, по мнению К. Бюлера, «вспомогательными средствами указания» [8; С. 87-88].

Дальнейшая эволюция знаковых средств конструирования реальности приводит к появлению, вероятно, в эпоху неолита [23; С. 73], наряду с индексальными знаками, знаков иконических, имевших первоначально форму рисунков (пиктограмм) [50], а затем, на следующем этапе семиодинамики культурной реальности, иероглифической письменности [41; С. 37]. Археологические данные свидетельствуют, что графическая речь (в виде пиктографических изображений) предшествует даже появлению развитой звуковой речи. Так, относящиеся к верхнему палеолиту ориньякско-солютрейские и мадленские наскальные изображения обозначают довольно сложные комплексы понятий, в частности, право собственности на охотничью добычу [53; Р. 33; 54; Р. 305].

Пиктограммы и в дальнейшем служили для обозначения имущественной принадлежности вещей, как, например, у шумеров Протописьменного периода, использовавших с этой целью изображения на личных печатях, демонстрирующие «развитие понятия о собственности и ее охране, где сложные магические ассоциации сочетаются с чисто практическим стремлением пометить особой меткой свое добро» [21; С. 102]. Как видим, на данной ступени эволюции культурной реальности все еще со-

храняется синкретизм, тесное переплетение лингвистической, ритуально-магической, правовой и иных семиотик, средствами которых конструировались феномены реальности. Видимо, из практических потребностей вырастают и древнейшие системы иероглифической письменности, конститутивные возможности которых в силу самого характера иероглифического письма были ограниченными.

Вместе с тем с появлением иероглифической письменности намечается дифференциация культурных смыслов, на стадиях жестового и даже пиктографического кодирования, где эти смыслы существуют в неразрывном единстве. Как следствие приобретают самостоятельность и различные виды знаковых систем, средствами которых кодируются эти смыслы и конструируются феномены культурной реальности. Поэтому пиктограммы следует отличать от иероглифов, в том числе по объему значения соответствующих знаков. Так, если первые обозначают конкретные феномены или их виды, то для вторых характерна способность к означиванию уже родовых понятий, что хорошо видно на примере китайского языка, до сих пор использующего иероглифическую письменность, что отнюдь не препятствует выражению сложных абстрактных понятий и созданию философских систем, использующих данную письменность [43; С. 31-38].

Вот почему имеет смысл применять, вслед за Ч. С. Пирсом и У. Эко градацию двух видов иконических знаков, а именно икон-синсигнумов и икон-легисигнумов [52; С. 147]. Согласно данному ими определению, синсигну́м есть указание на конкретный объект или группу объектов, сохраняющий предметную связь с последними (как, например, цвета светофора, знаки дорожного движения и т.п.) [12; С. 11]. Легисигну́м, в отличие от синсигну́ма означает классы объектов, что обуславливает конвенциональный характер соответствующих знаков вследствие утраты предметной связи означающего с означаемым. Таким образом, появление иероглифических систем письма стало закономерным следствием качественной трансформации знаковой структуры, приведшей уже на данной стадии эволюции культурной реальности к конвенционализации используемых знаков.

Рассмотренные процессы способствовали появлению нового вида знаков, а именно символических знаков, имевших целиком конвенциональный характер. Особенности, в том числе структурные, таких знаков позволяют им конструировать не только множества более или менее типизированных культурных феноменов и атомарных эмпирических фактов, но также всеобщие причинно-следственные связи между фактами, каждый из которых, в свою очередь, выступает в сознании индивидов своеобразным «ярлыком», маркером представленной им абстрактной совокупности феноменов. Поворот к символическому конструированию реальности наме-

чается с появлением алфавитной письменности, отнюдь не случайно совпавшей с созданием великих философских и научных систем древности. Алфавитная письменность, более адекватно, чем иероглифика, отражающая фонетическую структуру и синтаксис устной речи [48; С. 43-45], не только способствовала эмансипации последней от графических знаков, но и обусловила примат звучащей речи в коммуникативных процессах (хотя еще для античных языковедов именно письменная речь являлась образцовым языком и единственным предметом исследования) [22; С. 208-209].

Именно символический семиозис становится основой орфо-акустической культуры античных Греции и Рима, в рамках которой впервые получила отчетливое осмысление категория причинности, в чем М. Маклуэн видел одну из существенных характеристик звуковой (акустической) коммуникации [57; Р. 18-22]. Вместе с тем ориентация преимущественно на устную речь, обусловленная некоторыми историческими особенностями античной культуры (относительно слабое развитие письменной речи, малочисленность письменных текстов, низкий уровень грамотности большинства коммуникантов, редкость библиотек и книгохранилищ и т.п.) [46; С. 10-11] ограничивали диапазон средств знакового конструирования культурной реальности преимущественно символами, сохранявшими предметную связь с миром фактических данностей, т.е. синсигнумами. Указанное обстоятельство во многом накладывало отпечаток на все виды конститутивной деятельности, в частности, на античную науку, очевидным образом отличающуюся от науки Нового времени, способной к установлению универсальных закономерностей, образующих структуру реальности. Очевидно, что для конструирования таких закономерностей требуются и особые виды знаковых средств (символы-легисигнумы), система которых окончательно сформировалась лишь с развитием печатно-графической коммуникации [57; Р. 151].

Таким образом, по мере усложнения коммуникативных ситуаций, обусловленного, не в последнюю очередь, эволюцией культурной реальности и постепенным накоплением знаний о ней, новых знаков становятся уже не только конкретные предметы или действия, но и множество типизированных объектов, а также абстрактные качества и состояния. Так, пиктограммы, возникшие на основе жестовой коммуникации, обладают способностью обозначать, наряду с единичными объектами, целые их классы. В ходе эволюции знаки утрачивают свою образность, а их взаимосвязь начинает строиться по законам формальной логики, ярчайшим примером чему может служить метаязык математики, дающий характерные примеры описания сложных и не обладающих эмпирической наглядностью феноменов.

Обобщая все ранее сказанное, мы можем следующим образом пред-

ставить этапы эволюции и соответствующие данным этапам семиотические средства конструирования культурной реальности: индексы (жесты) → иконы-синсигнумы (пиктограммы) → иконы-легисигнумы (иероглифы) → символы-синсигнумы → символы-легисигнумы. Нетрудно заметить, что каждая следующая стадия эволюции характеризуется все большей утратой семиотическими единицами предметного содержания, нарастанием их отрыва от означаемого, влекущим за собой ослабление мотивированности означающего означаемым. Это позволяет конструировать не только единичные объекты и типизированные классы объектов, но и всеобщие причинно-следственные взаимосвязи объектов. Необходимо особо подчеркнуть, что переход к каждому следующему этапу и появление новых средств знакового конструирования культурной реальности, преобладавших на предшествующей стадии. Все появляющиеся в ходе семиодинамики знаковые средства сосуществуют с ранее возникшими, способствуя развитию смысловой структуры реальности и детализации этой последней в семиотическом пространстве культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин А. Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия. СПб.: Аксион эстин, 2004. С. 355.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. С. 360.
3. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 92—116.
4. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. М.: Поэтика, 1994. С. 413—423.
5. Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Сочинения. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: «Русские словари», 1997. С. 306—326.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 448.
7. Блумфилд Л. Язык. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 608.
8. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: «Прогресс», 2000. С. 504.
9. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 232.
10. Вержбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: «Языки русской культуры», 2001. С. 288.
11. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: «Гнозис», 1994. С. 1—73.
12. Волоцкая З. М., Николаева Т. М., Сегал Д. М., Цивьян Т. В. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения // Из работ Московского семиотического круга / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 8—17.
13. Горбунова Л. И. Язык как знаковая система особого рода. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2013. С. 108.
14. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 224.
15. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга

- первая. М.: Академический Проект, 2009. С. 489.
16. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: «Наука», «Ювента», 1998. С. 320.
 17. Дворецкий И. Х. Русско-латинский словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд. «Русский язык», 1976. С. 1096.
 18. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Науч. мир, 1982. С. 76.
 19. Зеленецкий А. В., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. М.: Издат центр «Academia», 2003. С. 400.
 20. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1968. Т. XXVII. Вып. 3. С. 236—245.
 21. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия / под ред. И. М. Дьяконова. М.: «Наука», 1983. С. 624.
 22. История лингвистических учений. Древний мир / отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л.: «Наука», 1980. С. 260.
 23. Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 616.
 24. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М.: «Мысль», 1964. С. 799.
 25. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. № 5. С. 97—124.
 26. Культуральные исследования права: монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. А. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 466.
 27. Локк Дж. Трактат о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1985. С. 621.
 28. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000. С. 704.
 29. Марр Н. Я. Язык // Марр Н. Я. Избранные труды по языкознанию. Т. II. Основные вопросы языкознания. Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 127—135.
 30. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Университетская книга, 2001. С. 45—97.
 31. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М.: Мир, 1990. С. 344.
 32. Осипов М. Ю. К вопросу о применении математических методов в юридической науке // *Advances in Law Studies*. 2019. Т. 7. № 2. С. 21—25.
 33. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: «Прогресс», 1986. С. 22—130.
 34. Пауль Г. Принципы истории языка. Изд. 2-е. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2014. С. 504.
 35. Пирс Ч. С. Икона, индекс, символ // Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 200—222.
 36. Платон. Кратил // Платон. Сочинения. В 4 т. Т. 1. СПб.: Изд. СПбГУ, Изд. Олега Абышко, 2006. С. 421—502.
 37. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 240.
 38. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. Изд. 11-е. М.: Айрис-пресс, 2009. С. 448.
 39. Соломоник А. Б. Язык как знаковая система. Изд. 2-е. М.: URSS, 2009. С. 222.
 40. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. С. 432.
 41. Сухачев Н. Л. Эскурсы в историю письма. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 160.
 42. Сэпир Э. Язык // Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: «Прогресс» - «Универс», 1993. С. 223—247.

43. Тань Аошуан. Модель этического идеала конфуцианцев // Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: «Языки русской культуры», 2001. С. 31—45.
44. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: «Прогресс», 1988. С. 656.
45. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 157—201.
46. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М.: «Наука», 1977. С. 256.
47. Фосслер К. Эстетический идеализм: Избранные работы по языкознанию. М.: Изд. ЛКИ, 2007. С. 144.
48. Фридрих И. История письма. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 464.
49. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Изд. иностр. литературы, 1962. С. 412—457.
50. Шор Р. О., Каринский Н. М. Графика // Литературная энциклопедия. В 11 т. Т. 2. М.: Изд-во Ком. Академии, 1929. С. 699—721.
51. Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. Физика процессов эволюции. М.: УРСС, 2001. С. 328.
52. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 544.
53. Fevrier J. Histoire de l'écriture. Paris: Payot, 1948. P. 607.
54. Goutry G. Origine et evolution de l'homme. Paris: A. Picard, 1927. P. 745.
55. Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo: Egyptian University Press, 1936. P. 210.
56. Küppers B. O. Der Ursprung biologischer Information. München; Zürich: Piper Verlag, 1986. S. 206.
57. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962. P. 293.
58. Ratner V. A. The Genetic Language // Progress in Theoretical Biology / eds. R. Rosen, F. M. Schell. Vol. 3. New York: Academic Press, 1974. S. 310.
59. Weiss D. Zur linguistischen Analyse polnischer und deutscher «key words» bei A. Wierzbicka: Kulturvergleich als Sprachvergleich? // Berührungslinien: Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs. Hildesheim: Olms, 2006. S. 233—257.

TRANSLIT

1. Avgustin A. Hristianskaya nauka, ili Osnovaniya svyaschennoy germeneytiki i tserkovnogo krasnorechija. SPb.: Aksion estin, 2004. S. 355.
2. Alekseev S. S. Obschaya teorija prava. V 2 t. T. II. M.: Jurid lit., 1980. S. 360.
3. Aristotel'. Ob istolkovanii // Aristotel'. Sochineniya. V 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1978. S. 92—116.
4. Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu // Bart R. Izbrannyye raboty. Semiotika. M.: Poetika, 1994. S. 413—423.
5. Bakhtin M. M. Problema teksta // Bakhtin M. M. Sochineniya. T. 5. Raboty 1940-h — nachala 1960-h godov. M.: Russkie slovari, 1997. S. 306—326.
6. Benvenist E. Obschaya lingvistika. M.: Editorial URSS, 2002. S. 448.
7. Blumfeld L. Jazyk. Izd. 2-e, stereotip. M.: Editorial URSS, 2002. S. 608.
8. Biyler K. Teoriya jazyka. Reprezentativnaya funkziya jazika. M.: «Progress», 2000. S. 504.
9. Vaysgerber Y. L. Rodnoy jazyk i formirovanie duha. M.: Editorial URSS, 2002. S. 232.
10. Vergbitskaya A. Ponimaniye kultur cherez posredstvo kliychevich slov. M.: Yazyki russkoy kul'turi, 2001. S. 288.
11. Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat // Vitgenshteyn L. Filosofskie raboti. Chast' I.

- M.: "Gnozis", 1994. S. 1—73.
12. Volotskaya Z. M., Nikolaeva T. M., Segal D. M., Tsvi'yan T. V. Gestovaya kommunikatsiya i ee mesto sredi drugih system chelovecheskogo obscheniya // Iz rabot Moskovskogo semioticheskogo krugka / otv. red. T. M. Nikolaeva. M.: Yaziki russkoy kul'turi, 2001. S. 8—17.
 13. Gorbunova L. I. Yazyk kak znakovaya Sistema osobogo roda. Irkutsk: Izd-vo Irkutsk. gos un-ta, 2013. S. 108.
 14. Grinberg Dg. Antropologicheskaya lingvistika. Editorial URSS, 200. S. 224.
 15. Gusserl' E. Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya. M.: Akademicheskij Proekt, 2009. S. 489.
 16. Gusserl' E. Kartezijskie razmishleniya. SPb.: "Nauka", "Juventa", 1998. 320.
 17. Dvoret'skiy I. H. Russko-latinskij slovar'. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Izd. "Russkiy jazyk", 1976. S. 1096.
 18. Genett G. Palimpsesty: literaturs vo vtoroy stepeni. M.: Nauch. mir, 1982. S. 76.
 19. Zelenetskiy A. V., Novogilova O. V. Teorija nemetskogo jazykoznanija. M.: Izdat. tsentr "Academia", 2003. S. 400.
 20. Ivanov V. V. Lingvistika i gumanitarnye problem semiotiki // Izvestiya AN SSSP. Ser. literature i jazyka. 1968. T. XXVII. Vip. 3. S. 236—245.
 21. Istorija Drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshih klassovykh obschestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoj tsivilizatsii. Chast' pervaya. Mesopotamija / pod red. I. M. D'jakonova. M.: "Nauka", 1983. S. 624.
 22. Isorija lingvisticheskikh ucheniy. Drevniy mir / otv. red. A. V. Desnitskaya, S. D. Katsnel'son. L.: "Nauka", 1980. S. 260.
 23. Istrin V. A. Vozniknovenie razvitie pis'ma. Izd. 2-e. M.: Kniginy dom "LIBROKOM", 2010. S. 616.
 24. Kant I. Kritika chistogo razuma // Kant I. Sochineniya. V. 6 t. T. 3. M.: Mysl', 1964. S. 799.
 25. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologija. 1994. № 5. S. 97—124.
 26. Kultural'nye issledovaniya prava: monografiya / pod obsch. red. I. L. Chestnova, E. A. Tonkova. SPb.: Aleteya, 2018. S. 466.
 27. Lokk J. Traktat o chelovecheskom razumenii // Lokk J. Sochineniya. V 3 t. T. 1. M.: Mysl', 1985. S. 621.
 28. Lotman Ju. M. Semiosfera. SPb.: "Iskusstvo-SPb", 2000. S. 704.
 29. Marr N. Ja. Jazyk // Marr N. Ja. Izbrannie trudi po jazykoznaniju. T. II. Osnovnie voprosi jazykoznnija. L.: Sotsekgiz, 1936. S. 127—135.
 30. Morris Ch. U. Osnovaniya teorii znakov // Semiotika: Antologiya / sost. Ju. S. Stepanov. M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Universitetskaya kniga, 2001. S. 45—97.
 31. Nikolis G., Prigogin I. Poznanie slovnogo. M.: Mir, 1990. S. 344.
 32. Osipov M. Ju. K voprosu o primenenii matematicheskikh metodov v juridicheskoy nauke // Advances in Law Studies. 2019. T. 7. № 2. S. 21—25.
 33. Ostin J. Slovo kak deystvie // novoe v zarubegnoy lingvistike. Vyp. XVII. Teorija rechevykh aktov / pod obsch. red. B. Ju. Gorodezskogo. M. "Progress", 1986. S. 22—130.
 34. Paul' G. Printsipy istorii yazyka. Izd. 2-e. M.: Kniginy dom "LIBROKOM", 2014. S. 504.
 35. Pirs Ch. S. Ikona, indeks, simvol // Pirs Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. M.: Logos, 2000. S. 200—222.
 36. Platon. Kratil // Platon. Sochineniya. V 4 t. T. 1. SPb: Izd. SPbGU, Izd. Olega Abyshko, 2006. C. 421—502.
 37. Piege-Gro N. Wvedenie v teoriju Intertekstual'nosti. M.: Izd-vo LKI, 2008. S. 240.
 38. Rozental D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. Sovremenniy russkiy jazyk. Izd. 11-e. M.: Ayris-Press, 2009. S. 448.

39. Solomonik A. B. Jazyk kak znakovaja sistema. Izd. 2-e. M.: URSS, 2002. S. 222.
40. Sossjur F. de. Kurs obschey lingvistiki. Ekaterinburg: Izd. Ural'sk. un-ta, 1999. S. 432.
41. Sukhachev N. L. Ekskursy v istoriju pis'ma. Izd. 2-e, ispr. i dop M.: Izd-vo LKI, 2011. S.160.
42. Sepir E. Jazyk // Sepir E. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. M.: "Progress" – "Univers", 1993. S. 223—247.
43. Tan' Aoshuan'. Model' eticheskogo ideala konfutsiantsev // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki etiki / otv. red. N. D. Arutjunova. M.: Yazyki russkoy kul'turi, 2001. S. 31—45.
44. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: "Progress", 1988. S. 656.
45. Uorf B. L. Othoshenie norm povedenija i myshleniya k jazyku // Jazyki kak obraz mira. M.: SPb.: Terra Fantastica, 2003. S. 157—201.
46. Utchenko S. L. Politichskie uchenija Drevnego Rima. M.: "Nauka", 1977. S. 256.
47. Fossler K. Esteticheskij idealizm: Izbrannye raboty po jazykoznaniju. M.: Izd. LKI, 2007. S. 144.
48. Fridrich I. Istorija pis'ma. Izd. 2-e, M.: Editorial URSS, 2001. S. 464.
49. Homskiy N. Sintaksicheskie struktury // Novoe v lingvistike. Vyp. 2. M.: Izd. inostr. literatury, 1962. S. 412—457.
50. Shor R. O., Karinskij N. M. Grafika // Literaturnaja entsiklopedija. V 11 t. T. 2. M.: Izd-vo Kom. akademii, 1929. S. 699—721.
51. Ebeling V., Engel' A., Vaystel R. Fizika protsessov evolutsii. M.: URSS, 2001. S. 328.
52. Eko U. Otsutstvuyuschaja struktura: Vvedenie v semiologiyu. SPb.: Simpozium, 2006. S. 544.
53. Fevrier J. Histoire de l'écriture. Paris: Payot, 1948. P. 607.
54. Goutry G. Origine et evolution de l'homme. Paris: A. Picard, 1927. P. 745.
55. Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo: Egyptian University Press, 1936. P. 210.
56. Küppers B. O. Der Ursprung biologischer Information. München; Zürich: Piper Verlag, 1986. S. 206.
57. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 1962. P. 293.
58. Ratner V. A. The Genetic Language // Progress in Theoretical Biology / eds. R. Rosen, F. M. Schell. Vol. 3. New York: Academic Press, 1974. S. 310.
59. Weiss D. Zur linguistischen Analyse polnischer und deutscher «key words» bei A. Wierzbicka: Kulturvergleich als Sprachvergleich? // Berührungslinien: Polnische Literatur und Sprache aus der Perspektive des deutsch-polnischen kulturellen Austauschs. Hildesheim: Olms, 2006. S. 233—257.